

ЕЛЕНА СИМОНЧУК,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальных структур Института социологии НАН Украины (01021, Киев, Шелковичная, 12)

ELENA SIMONCHUK,

Doctor of Sciences in Sociology, Leading Research Fellow at the Social Structures Department, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine (12, Shovkovychna St., Kyiv, 01021)

elena@simonchuk.kiev.ua

<https://orcid.org/0000-0002-7685-2387>

Социально-статусные самооценки украинцев: изменения во времени (2009–2019)¹

Обществоведы разных стран, опираясь на разнообразные теоретические и (порой) идеологические предпосылки, конструируют определенные образы социальной структуры общества. (Примером таких моделей служат классовые схемы Джона Голдторпа, Пьера Бурдьё, Уильяма Л. Уорнера.) Основаниями этих экспертных образов/схем являются различные комбинации объективных критериев (статус занятости, профессия, наличие руководящих функций, доход, уровень образования, количество социальных контактов и т. п.), поэтому их и называют «объективными». В то же время обычные люди являются авторами и носителями самостоятельно сконструированных картин/образов социально дифференцированного и стратифицированного устройства мира, которые называют субъективными или любительскими.

В украинской социологии экспертным представлениям о социальной структуре, распределении объективных социальных позиций во временной динамике и в междустрановом сравнении уделено довольно много внимания (см., в частности: [Осамитна, 2011; Симончук, 2018]). Но в последнее время исследователи все чаще фокусируются именно на субъективных образах социального мира [Коваліско, Макеєв, 2020; Симончук, 2020а, б; Оксамитна, 2011: с. 222–236; Малиш, 2019]. Одной из весомых причин актуализации данной тематики является приращение эмпирической базы, обеспечивающей большой ряд соответствующих переменных. Речь идет об участии Украины в крупном международном

¹ Текст этой статьи подготовлен на основе главы коллективной монографии: Симончук, О. (2020). Динаміка уявлень українців про соціальну структуру та своє місце в ній. В: С. Оксамитна, О. Симончук (Ред.), *Динаміка сприйняття соціальної нерівності в Україні: за даними Міжнародної програми соціальних досліджень 2009 і 2019 років* (с. 83–127). Київ: Інститут соціології НАН України, Національний університет «Києво-Могилянська академія».

Цитирование: Симончук, Е. (2021). Социально-статусные самооценки украинцев: изменения во времени (2009–2019). *Социология: теория, методы, маркетинг*, 1, 5–24.

проекте — Международной программе социального исследования (International Social Survey Programme — ISSP) в рамках модуля «Социальное неравенство» в 2009 и 2019 годах. (Детально о проекте см.: [Симончук, Оксамитна, 2020].) Этот проект воодушевляет возможностью проанализировать различные субъективные показатели в широкой сравнительной перспективе (более 30 стран-участниц) и во времени (пять волн с 1987 года).

В предыдущей публикации [Симончук, 2020а: с. 84–87] для анализа субъективной картины социального мира была предложена понятийная схема, где выделены две ее составляющие — социально-структурные представления индивидов и их социальные идентичности. Первые дифференцированы на два подвида — представления об «архитектуре» социума (определенных элементах и формах их расположения) и представления о качественных характеристиках такого социально-структурного строения (степени неравенства в распределении жизненных благ; наличии конфликтов или консенсуса). Среди социальных идентичностей также выделены два подвида — идентичности классовые (в случае определения человеком своего места в пространстве социально-классовых категорий) и статусные (в случае саморазмещения на градуированной шкале социального статуса). Выделены также определенные характеристики этих составляющих (социальных представлений и идентичностей), в частности гетерогенность, детерминированность рядом критериев, изменчивость вследствие институциональных и биографических изменений.

Результаты анализа динамики представлений украинцев о социальной структуре за последнее десятилетие детально рассмотрены в [Симончук, 2020а: с. 114–122; 2020b], а классовых и статусных идентичностей — в [Симончук, 2020а: с. 87–114]. Эта статья посвящена анализу социально-статусных идентичностей.

Концептуальные основания

Социальный статус традиционно определяется как «устойчивое положение внутри социальной системы, связанное с определенными ожиданиями, правами и обязанностями», а также как «положительная или отрицательная репутация, престиж, авторитет личности в рамках системы социальной стратификации» [Джери, Джери, 1999: с. 294–295]. Исследователи различают *приписанный* и *достигнутый* статусы (относительно родительской семьи и относительно собственных достижений), а также *статусное соответствие* и *несоответствие* (ситуации, когда параметры по статусным критериям — материальному, образовательному, профессиональному и т. п. — либо более или менее гармонично сочетаются в интегрированном социальном статусе, либо не вполне согласуются друг с другом). Статусное несоответствие, особенно острое, считается причиной не только социально-психологической фрустрации, но и политического радикализма.

В современной социологии социальный статус индивидов традиционно исследуют на основе как объективных оценок (индексов престижа занятий или социально-экономического статуса), так и самооценок. Касательно статусных самооценок обычно изучают, с одной стороны, их распределение среди населения, причем в динамике и сопоставлении со странами разного типа, а также влияющие на них факторы (демографические, образовательные, классовые и т. п.),

а с другой стороны, влияние этих самооценок (как независимой переменной) на разнообразные установки и практики индивидов, в частности на восприятие социального неравенства и электоральные практики.

Эти сюжеты рассмотрены в работах многих западных исследователей, например: [Lenski, 1954, 1966; Treiman, 1977; Harrop, Miller, 1987; Smith, 1986; Ganzeboom et al., 1992; Evans, 1993; Sobel et al., 2004; Lindemann, Saar, 2014; Pain, 2017; Irvin, 2018]. Отечественная традиция исследования статусных самооценок началась только в 1990-х годах, когда тематика социально-иерархических порядков общества перестала быть идеологически табуированной. Наиболее основательно соответствующий предмет представлен в работах таких украинских социологов: [Макеев, Оксамитная, Швачко, 1996; Макеев, Оксамитна, 2001; Оксамитна, Бродська, 2001; Прибиткова, 2006; Матусевич, 2009; Симончук, 1999, 2003, 2006, 2014].

Исследователи выяснили, что (1) людям в современных обществах, в частности в украинском, присуще довольно развитое «чувство места» в социально стратифицированном пространстве. Например, по просьбе интервьюера они без особых колебаний располагают себя в системе социально дифференцированных координат (иногда по одному из измерений — профессиональному, образовательному, материальному) на основе определенной градационной шкалы или по номинальным категориям (таким, как высший–средний–низший слой/класс).

(2) Субъективные социальные статусы подвижны в межпоколенческом ракурсе (по самооценкам достигнутые статусы украинцев значительно отличаются от статусов их родительских семей как в восходящем, так и в нисходящем направлении) и во внутривнутрипоколенческом (в течение жизни статусное положение значительно варьирует, особенно в нестабильные времена больших социальных преобразований).

(3) Весьма распространенными в современной Украине являются случаи статусного несоответствия. Особенно привлекает внимание несогласованность статусных измерений среди представителей отечественного среднего класса (прежде всего, их высокий образовательно-квалификационный статус и одновременно низкий материальный), а также негативные общественные и личные последствия этого явления.

(4) Статусное несоответствие может вызывать противоположные субъективные реакции. Одни ради психологической защиты, сохранения позитивного социального самочувствия склонны завышать свой статус и избегать негативных самооценок, предпочитая считать себя и свою семью не хуже других. Есть и те, кто, наоборот, готов занижать свой статус, а в случае острого статусного несоответствия использовать низкие самооценки в качестве протестного высказывания.

(5) В ходе опросов наряду с теоретически ожидаемой вариативностью социальных идентичностей иногда обнаруживается тренд к усреднению. В ответах на вопрос о «своем месте» в определенных статусных иерархиях (по социальному, образовательному, материальному статусу) он проявляется в выборе прежде всего средних значений шкалы¹. Таким образом, очевидно, выражается

1 В последнее время к феномену усреднения обращались многие исследователи, в частности [Berger et al., 2010: p. 159–160; Lindemann, Saar, 2014: p. 18; Gimpelson, Treisman, 2018; Irvin, 2018: p. 212–220].

мнение о себе как «обычном», «типичном» человеке, каких много в ближайшем окружении, где все имеют схожие по объему материальные блага и схожие жизненные шансы.

(6) Детерминантами субъективной статусной позиции являются возраст, уровень образования, дохода и богатства, класс (и классовое происхождение, и достигнутая классовая позиция), а также факты восходящей или нисходящей по сравнению с родителями мобильности и успешной или неудачной трудовой карьеры. Доказано и влияние принадлежности к определенному типу общества: в частности, статусные самооценки населения значительно ниже в Украине, чем в развитых западных странах.

(7) Вместе с тем субъективный статус как независимая переменная оказывает значительное влияние на социальное самочувствие, на оценку разных проявлений социального неравенства, в том числе факторов достижения жизненного успеха, на восприятие социального конфликта и т. п.

(8) Статусные самооценки могут быть эмоционально острыми или нейтральными (проникнутыми чувством конфликтности или солидарности), активизирующими или пассивными (побуждающими к действию либо просто являющимися констатацией своего места в обществе).

(9) Они изменчивы во времени как вследствие перманентной трансформации большого окружающего мира (социальных институтов и структур, уровня экономического развития государства, господствующей государственной идеологии), так и вследствие собственных достижений либо потерь, смены биографических периодов и жизненных обстоятельств.

Методика изучения самооценок социального статуса и задачи исследования

В массовых опросах одной из наиболее популярных методик изучения самооценок социального статуса является их визуализация на ступеньках воображаемой социальной лестницы. Однако количество ступенек в конкретных проектах разнится от 7 (например, в мониторинге Института социологии НАНУ) до 10 (в ряде международных опросов). Так, для проекта ISSP инструментарий измерения субъективной социальной позиции, в частности статусного шкалирования на 10-ступенчатой воображаемой лестнице, разработал Том Смит [Smith, 1986, 1989]. Общеизвестным преимуществом этой методики является то, что она лишена культурного контекста в отношении номинации социальных категорий (что важно прежде всего для сравнительных исследований).

В модуле «Социальное неравенство» проекта ISSP методика такова. Респонденту предлагают определить свой статус на воображаемой социальной лестнице, причем трижды — относительно разных во времени биографических ситуаций. Первая — касательно *актуальной* социальной позиции: «В нашем обществе есть группы, занимающие высокое и низкое общественное положение. Перед Вами лестница, где 10 — самое высокое положение, а 1 — самое низкое. На какой ступени Вы расположили бы себя?» Вторая ситуация — *ретроспективная* — касательно социально-статусного происхождения респондента: «А если вспомнить семью, в которой Вы выросли, где бы на этой шкале находилась она?» Третья — *перспективная* ситуация: «Если задуматься о буду-

щем, то где Вы будете через десять лет на этой шкале?» Заметим, что для анализа этого теста интегральной самооценки социального статуса по 10-балльной шкале принята группировка статусных позиций, согласно которой позиции с 10 по 8 отвечают «верхнему среднему» классу, с 7 по 5 — собственно «среднему», 4 и 3 — «нижнему среднему», а 2 и 1 — «низшему».

Задачами моего исследования состояния и динамики статусных самооценок населения Украины, базирующегося на данных двух волн (2009 и 2019 годов) модуля «Социальное неравенство» в рамках ISSP, были следующие. Во-первых, определить по описанной методике социально-статусные самооценки (актуальную, ретроспективную и перспективную) украинцев в 2009 году, привлекая сравнительный контекст (Украина на фоне постсоциалистических и западных стран). Во-вторых, проследить динамику этих самооценок в течение десятилетия, с 2009 по 2019 год (тут придется ограничиться локальной перспективой, поскольку данные модуля 2019 года в отношении других стран станут общедоступными только в 2021-м). В-третьих, выяснить классовые (объективно и субъективно определяемые)¹ различия в этих самооценках.

Самооценки актуальной статусной позиции

Начнем с анализа самооценок респондентов относительно актуальной — существующей на момент опроса — статусной позиции. Чтобы задать систему теоретически ожидаемых координат, обратимся к сравнительной перспективе соответствующих самооценок. Эти данные, представленные на рисунке 1² в виде зеркально отраженных диаграмм, демонстрируют «среднеарифметический профиль» субъективной социальной структуры развитых западных стран образца 2009 года. Как видим, «верхи» и «низы» в ней немногочисленны, а наиболее распространенные «средние статусные позиции» легко узнать на рисунке по широким «крыльям», придающим социально-структурной модели западных обществ ромбовидную форму.

Начиная с Питирима Сорокина [Сорокин, 1996: с. 230–331], который положил начало традиции изучения высоты и профиля социальной стратификации в обществах разного типа, и завершая современными исследователями со-

1 Объективные классовые позиции определены согласно EGP-схеме. Для их конструирования использован синтаксис Гарри Ганзбума 1994 года. Соответствующие 10 классовых категорий были сгруппированы в пять укрупненных классов: служебный (I и II), промежуточный (III и V), мелкие собственники (IVa, IVb и IVc), квалифицированные рабочие (VI) и неквалифицированные (VIIa и VIIb). Обратим внимание на то, что в 2009 году переменная «занятие респондента», лежащая в основе классовой схемы, закодирована (по методологическим рекомендациям организаторов проекта ISSP) согласно ISCO-88, а в 2019-м — ISCO-08. Это привело к необходимости адаптации в 2019 году конструирующей классовую схему синтаксиса путем перекодирования переменной ISCO-08 в ISCO-88.

Субъективный класс, или классовая идентичность, фиксировался через соотнесение респондентом себя с одной из шести категорий — высший класс, верхний средний, средний, нижний средний, рабочий и низший. Вопрос в анкете сформулирован следующим образом: «Большинство людей обычно относят себя к какому-либо социальному классу. Скажите, пожалуйста, к какому классу относите себя Вы?»

2 Данные на этом и всех остальных рисунках округлены до целого числа. Оригинальные значения см. в соответствующих таблицах.

циоструктурного направления [Smith, 1986, 1992; Evans, 1993; Джери, Джери, 1999: с. 242; Хахулина, 1999], *ромбовидная форма* профиля социальной стратификации признается типичной и нормативной для экономически развитых социумов, отражая в интегрированном виде более равномерное и справедливое распределение в них материальных богатств, властных полномочий и престижа¹. Кстати, в течение первого десятилетия нового века (по данным ISSP 1999 и 2009 годов) зафиксирована небольшая по масштабу, но позитивная динамика в социальных самооценках граждан западных стран (см. : [Макеев, Симончук, 2014]). Этот тренд проявляется в пределах *ромбовидной формы* в направлении все большей наполненности верхних ступеней.

Социальные самооценки граждан всех стран постсоциалистического пространства в 2009 году отражали более скромный в смысле наличия среднего класса профиль, чем в западных. Однако в России и ряде стран Восточной Европы такие оценки все-таки были значительно лучше, чем в Украине. Соответствующий профиль этих стран был ближе к ромбовидной модели, хотя и преобладали ниже-средние позиции. Самоидентификация украинцев на ображаемой социальной лестнице, напротив, характеризовалась концентрацией на нижней половине ступеней, что визуализировалось в пирамидальной форме такого распределения. Так, верхний средний и средний классы составляли всего 2% и 30% соответственно, тогда как нижний средний и низший классы — 41% и 27%. Следовательно, «базовым классом» украинского общества на то время был нижний средний класс.

В 2019 году актуальные статусные самооценки украинцев оказались значительно лучше (табл. 1-А)². Их визуализация на рисунке 2-А помогает сделать наглядным тренд в направлении от пирамидальной формы общества (которая была характерной для него в течение всего периода общественной трансформации) в сторону ромбовидной, нормативной для развитых стран. Этот позитивный тренд можно интерпретировать как свидетельство, с одной стороны, постепенной стабилизации экономики страны в период 2009–2019 годов, а с другой — продуктивной адаптации населения, прежде всего более молодых возрастных когорт, к новым экономическим условиям. И хотя визуализация профиля субъективной социальной стратификации украинского общества наглядно демонстрирует тренд постепенного приближения к ромбовидной модели общества экономически развитого типа, однако «архитектура социального строения» (Питирим Сорокин) в Украине все еще существенно отличается как от его западного аналога (образца 2009 года), так и от постсоциалистического, прежде всего в силу наличия слишком большой доли социальных «низов» и малочисленности слоев средних, прежде всего верхних средних.

1 Китайский социолог Лу Сюэй [Lu Xueyi, 2010] предложил другую метафору для обозначения такого распределения — «оливкообразная» социальная структура. Эта модель рассматривается им в качестве ориентира развития китайского общества, основой которого должны стать разные слои среднего класса. Автор подчеркивает, что пока еще экономическое развитие Китая значительно опережает социальное. Состояние современного среднего класса в мире, в том числе в Китае, детально рассмотрено в статье Горана Терборна (2020). Коллекцию метафор для характеристики модели современного общества с весомой долей средних слоев дополняет сравнение ее с «алмазным резцом» [Джери, Джери, 1999: с. 242].

2 В этой и всех последующих таблицах распределение процентов рассчитано для определившихся с ответом.

Рис. 1. Самооценки актуального (на момент опроса) социального статуса среди населения разных стран (2009, %)

Таблица 1

Динамика самооценок социального статуса среди населения Украины, в частности среди представителей ЕGP-классов (2009 и 2019, %)

2009 год										
ЕGP-класс	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. В нашем обществе есть группы, занимающие высокое и низкое общественное положение. Перед Вами лестница, где 10 — самое высокое положение, а 1 — самое низкое. На какой ступени Вы разместили бы себя?										
Служебный класс более высокого уровня	11,8	10,0	16,6	19,2	24,4	10,0	5,2	1,8	0	1,1
Служебный класс более низкого уровня	14,1	8,4	20,1	18,9	26,9	8,4	2,4	0,8	0	0
Промежуточный класс	17,2	8,6	24,7	22,1	18,4	7,1	1,1	0,4	0,0	0,4
Мелкие собственники	6,9	11,5	16,8	20,6	29,0	10,7	2,3	0,0	0,8	1,5
Квалифицированные рабочие	18,8	11,6	24,4	17,6	19,3	5,3	1,5	0,3	0,3	1,0
Неквалифицированные рабочие	18,4	12,4	27,7	16,7	15,9	6,6	0,9	0,9	0	0,6
Сельскохозяйственные рабочие	26,2	16,4	19,7	19,7	14,8	3,3	0	0	0	0
Всего (N = 1782)	16,4	10,9	22,4	18,9	20,7	7,3	1,9	0,7	0,1	0,7
Б. А если вспомнить семью, в которой Вы выросли, где бы на этой шкале находилась она?										
Служебный класс более высокого уровня	3,7	8,6	11,2	8,6	20,5	20,9	11,9	12,7	1,1	0,7
Служебный класс более низкого уровня	4,0	8,5	14,5	14,1	30,2	14,5	4,8	6,5	1,6	1,2
Промежуточный класс	4,5	8,2	15,4	17,6	23,2	15,7	6,4	5,2	1,1	2,6
Мелкие собственники	0,8	3,8	10,7	19,1	29,8	15,3	7,6	9,2	2,3	1,5
Квалифицированные рабочие	8,8	8,6	18,4	15,1	20,9	12,1	6,5	6,8	1,8	1,0
Неквалифицированные рабочие	6,1	11,0	19,7	14,5	22,8	14,2	6,1	4,6	0,6	0,6
Сельскохозяйственные рабочие	12,2	13,8	13,0	15,4	19,5	14,6	4,9	4,1	2,4	0
Всего (N = 1782)	5,8	9,0	15,6	14,6	23,5	15,1	7,0	6,9	1,5	1,1

В. Если задуматься о будущем, то где через 10 лет Вы будете на этой шкале?										
Служебный класс более высокого уровня	НЕТ ДАННЫХ (вопрос отсутствует в анкете 2009 года)									
Служебный класс более низкого уровня										
Промежуточный класс										
Мелкие собственники										
Квалифицированные рабочие										
Неквалифицированные рабочие										
Сельскохозяйственные рабочие										
Всего										
2019 год										
EGP-класс	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. В нашем обществе есть группы, занимающие высокое и низкое общественное положение. Перед Вами лестница, где 10 — самое высокое положение, а 1 — самое низкое. На какой ступени Вы разместили бы себя?										
Служебный класс более высокого уровня	7,4	6,8	16,8	20,2	28,7	11,4	6,5	0,9	0,6	0,9
Служебный класс более низкого уровня	7,6	4,2	18,1	12,7	35,0	13,6	3,6	3,0	0,9	1,2
Промежуточный класс	10,4	7,4	15,2	20,9	32,0	7,7	4,0	1,3	0	1,0
Мелкие собственники	5,7	6,4	7,0	15,3	36,3	16,6	4,5	7,0	0	1,3
Квалифицированные рабочие	8,0	8,7	17,4	19,6	28,3	8,0	3,5	2,3	0,3	3,9
Неквалифицированные рабочие	11,5	6,9	18,0	17,4	29,2	10,8	2,3	0,7	0	3,3
Сельскохозяйственные рабочие	21,2	12,1	16,2	11,1	28,3	5,1	2,0	0	0	4,0
Всего (N = 1847)	9,2	7,0	16,2	17,5	31,0	10,7	4,0	2,0	0,3	2,1
Б. А если вспомнить семью, где Вы выросли, где бы на этой шкале находилась она?										
Служебный класс более высокого уровня	5,7	4,9	14,0	14,6	28,1	11,7	10,0	7,4	1,1	2,3
Служебный класс более низкого уровня	3,6	4,3	16,7	16,1	26,7	9,7	9,7	4,0	2,4	6,7
Промежуточный класс	7,1	6,4	13,5	14,8	30,3	10,4	8,8	4,0	2,0	2,7
Мелкие собственники	3,8	3,8	2,1	10,2	22,3	11,5	15,9	12,7	0,6	7,0
Квалифицированные рабочие	6,1	6,1	13,9	14,9	29,1	10,7	8,4	5,2	1,0	4,5
Неквалифицированные рабочие	9,2	4,9	11,5	17,7	28,5	11,5	4,6	4,3	2,0	5,9
Сельскохозяйственные рабочие	9,2	10,2	19,4	16,3	20,4	8,2	4,1	5,1	3,1	4,1
Всего (N = 1842)	6,2	5,5	14,1	15,2	27,5	10,7	8,8	5,7	1,6	4,6
В. Если задуматься о будущем, то где через 10 лет Вы будете на этой шкале?										
Служебный класс более высокого уровня	8,1	6,6	12,2	8,1	16,6	17,3	12,5	10,0	4,8	3,7
Служебный класс более низкого уровня	4,6	2,7	10,0	8,1	17,3	13,8	16,2	10,8	5,0	11,5
Промежуточный класс	5,2	5,2	7,4	8,3	26,1	7,8	15,2	12,6	4,3	7,8
Мелкие собственники	3,7	1,5	3,0	5,2	14,8	7,4	22,2	13,3	9,6	19,3
Квалифицированные рабочие	4,8	5,2	6,5	6,9	19,0	11,3	18,2	11,3	4,3	12,6
Неквалифицированные рабочие	7,9	5,8	8,3	12,0	26,6	12,4	10,0	4,1	2,5	10,4
Сельскохозяйственные рабочие	22,7	4,5	10,6	12,1	21,2	12,1	6,1	3,0	0	7,6
Всего (N = 1436)	6,8	4,7	8,4	8,5	20,3	12,3	14,7	9,8	4,5	10,0

Самооценки ретроспективной статусной позиции

Воображаемая социальная структура, вырисовывающаяся из самооценок респондентами социального статуса семей, в которых они выросли, и в 2009 году, и в 2019-м была более благополучной и высокостатусной по сравнению

с их актуальным статусом¹ (табл. 1-Б и рис. 2-Б). То есть в глазах респондентов (а представители большинства возрастных когорт, вошедших в выборку, прежде всего в 2009 году, родились во времена СССР) советское общество было «обществом среднего класса», на что указывает выраженная ромбовидная структура визуализированных самооценок статуса семьи. В связи с этим в дальнейших исследованиях логично было бы проверить гипотезу о том, что лучшие ретроспективные самооценки по сравнению с актуальными являются постсоветским феноменом, не присущим развитым странам.

Самооценки перспективной статусной позиции

Перспективные статусные самооценки отражают надежды, амбиции, ожидания респондентов относительно своего будущего социального статуса. В 2019 году украинцы были настроены оптимистично и амбициозно — 71,6% видели себя через десять лет в среднем или верхнем среднем классе (на пятой и более высоких ступеньках), тогда как на момент опроса там находились 50,1%, а статус родительской семьи в таком диапазоне оценивали 58,9% (табл. 1-В и рис. 2-В). (Изучение динамики самооценок перспективной ситуации невозможно из-за отсутствия в анкете 2009 года соответствующего вопроса.) Итак, граждане Украины ожидают заметного оздоровления общественной и собственной жизни в ближайшее десятилетие.

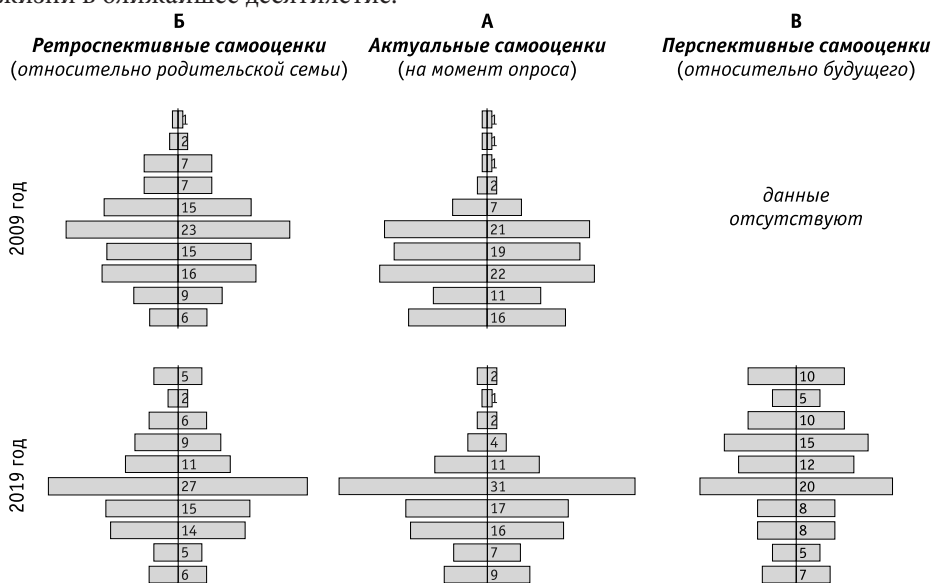

Рис. 2. Динамика самооценок социального статуса среди населения Украины (2009–2019, %)

Источник: данные таблицы 1.

¹ Кстати, сравнение самооценок респондентами собственного социального статуса с родительским продуктивно применяется исследователями социальной мобильности [Kelly, Kelly, 2009; Бархатны, 2011, с. 222–236; Meraviglia, 2017]. Однако так называемую субъективную мобильность они изучают по ответам на другой вопрос: «Если сравнить Вашу работу с той, которую имел Ваш отец, когда Вам было 14–15–16 лет, то, по Вашему мнению, статус Вашей работы является (был) значительно выше, чем у отца, выше, таким же, ниже или значительно ниже?» (в анкете модуля 2019 года этот вопрос отсутствует).

Классовые отличия в статусных самооценках

Классовое распределение *актуальных самооценок социального статуса* в оба года опроса было довольно выразительным и ожидаемым по своему характеру (табл. 1-А). В отношении ЕGP-классов: мелкие собственники и представители служебных классов имели значимо более высокие самооценки, чем люди рабочего класса, прежде всего неквалифицированные и сельскохозяйственные рабочие. На рисунке 3-А это отображается в постепенном изменении фигуры субъективной социальной структуры от ромба для мелких собственников и людей служебного класса к пирамиде для сельскохозяйственных рабочих.

К тому же в этих классовых распределениях фиксируется как теоретически ожидаемое соответствие между объективным классом (определенным по ЕGP-схеме) и субъективным статусом (по самооценкам положения на воображаемой лестнице), так и их существенное несоответствие (прежде всего по данным 2019 года). Примером последнего является самоидентификация значительной доли представителей служебного класса более высокого уровня с низшими ступенями социальной лестницы (31% из них расположили себя на трех нижних ступенях). Такое несоответствие между высокой классовой позицией и низкой интегральной статусной самооценкой может быть протестным проявлением, что визуализирует восприятие респондентами несоответствия их высокого образовательно-квалификационного статуса (заложенного в их классовую позицию) и низкого материального статуса и, соответственно, недовольство этим. Среди представителей рабочего класса, прежде всего неквалифицированных и сельскохозяйственных рабочих, наоборот, неожиданно распространенным оказалось отнесение себя к средним и более высоким ступеням (46% и 39% соответственно идентифицировали свой статус на ступеньках с 10-й по 5-ю). Это может быть проявлением упомянутых выше феноменов: усреднения (рассуждений типа «я не лучше, но и не хуже других», «я средний, то есть типичный, обычный для своего окружения») или психологической защиты (избегания негативных оценок).

Классовые отличия в *ретроспективных статусных самооценках* также весьма четко выражены (табл. 1-Б и рис. 3-Б). Мелкие собственники, представители служебных и промежуточного классов, а также квалифицированные рабочие считают, что их родительская семья имела более высокий статус, чем тот, которого они достигли на момент опроса. Соответствующие самооценки образуют ромбовидные фигуры, и это доказывает, что в советское время, когда большинство концентрировалось вокруг средних статусных позиций, семьи респондентов из названных классов воспринимались как более благополучные. Впрочем, неквалифицированные и сельскохозяйственные рабочие статус родительской семьи оценивали (теоретически ожидаемо) ниже, чем представители первой группы, однако не принципиально. Графическим свидетельством этого служит то, что образующаяся из их самооценок фигура тоже напоминает ромб, хоть и перегруженный в нижней части.

Классовое распределение *перспективных статусных самооценок* свидетельствует о том, что представители всех классов через десять лет надеются на восходящую статусную мобильность (табл. 1-В и рис. 3-В). К тому же среди них, наряду с «оптимистами» (имеющими надежду несколько улучшить свой статус), встречаются и «мечтатели» (каждый десятый либо действительно намерен социально взлететь на самую высокую позицию, либо просто эмоционально реагирует на невозможность предвидеть конкретные горизонты отдаленного

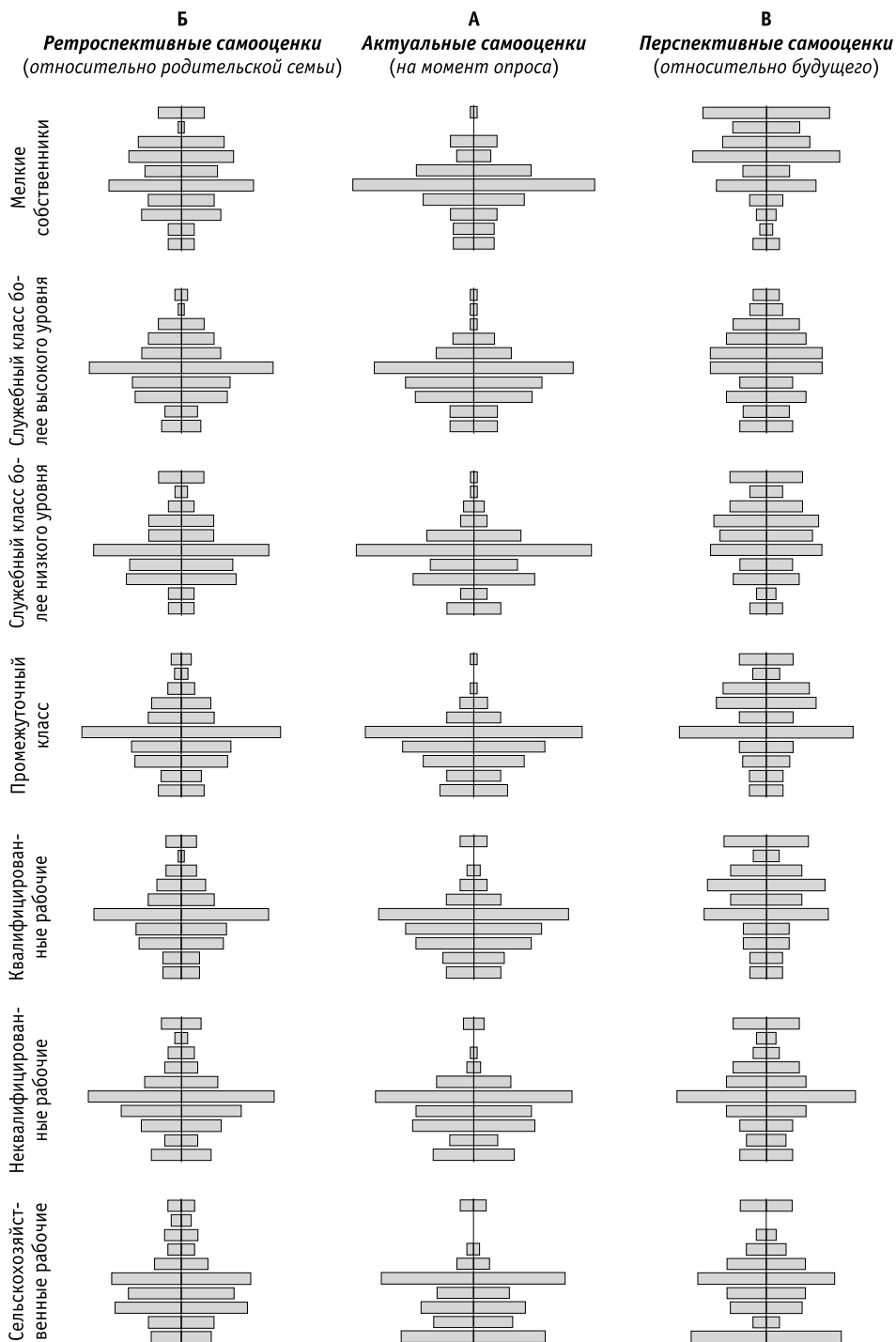

Рис. 3. Самооценки социального статуса среди представителей EGP-классов (2019 год, %) *Источник:* данные таблицы 1.

будущего). Например, среди представителей служебного класса более высокого уровня преобладают «оптимисты», визуализированные чаяния которых выглядят весьма реалистичными. «Мечтателей», надеющихся на чудо в продвижении вверх по социальной лестнице, больше всего среди мелких собственников (19%), квалифицированных рабочих (13%) и представителей служебного класса более низкого уровня (11%). Среди сельскохозяйственных рабочих больше всего «пессимистов»: 23% (в основном это пожилые люди) не ожидают существенной восходящей мобильности, полагая, что останутся на самой низкой ступени общественной пирамиды.

Связь статусных самооценок с субъективным классом

Фокусом нашего исследования была также проверка связей между тремя видами статусных самооценок согласно воображаемой шкале, с одной стороны, и субъективным классом, определяемым по номинальным категориям (верхний средний, средний, нижний средний, рабочий, низший) — с другой. Оказалось, что они являются теоретически ожидаемыми и хорошо согласующимися и в 2009-м, и в 2019 году.

Относительно *актуальных статусных самооценок* (см. табл. 2-А и рис. 4-А) представители субъективного низшего класса соответственно и располагают себя на низших ступенях социальной лестницы. Поэтому визуализация их самооценок имеет выражено пирамидальную форму с концентрацией 76% на трех нижних ступенях. В то же время представители субъективного верхнего среднего класса видят себя преимущественно (81%) на средних и выше средних ступенях — от 5 до 10. Соответственно и распределение этих самооценок отображается в ромбовидной фигуре. В целом на рисунке от верхнего среднего до низшего класса прослеживается убедительный тренд изменения визуальной формы от ромба к пирамиде.

Идентификация *социального статуса родительской семьи* среди представителей субъективных классов также является хорошо согласованной (табл. 2-Б и рис. 4-Б). Аналогично по мере снижения классовой позиции обнаруживается изменение формы статусного профиля, однако не от ромба к пирамиде, а скорее от ромбовидной фигуры с концентрацией в верхней части к ромбовидной с перегруженной нижней частью. Кроме того, ретроспективные самооценки респондентов из всех классов выше, чем их самооценки актуального статуса. Тут очевидна идеализация ими прошлого.

Перспективные статусные самооценки также обусловлены субъективной классовой позицией (табл. 2-А и рис. 4-В). Представители всех субъективных классов надеются через десять лет улучшить свой социальный статус по сравнению с достигнутым на момент опроса. К тому же зафиксированные в фигурах надежды-планы-мечты демонстрируют классово обусловленное распределение. Те, кто сейчас считает себя представителем верхнего среднего класса, рассчитывают занять еще более высокие позиции наверху социальной лестницы (соответствующая фигура выглядит как перевернутая пирамида). Вместе с тем те, кто сейчас идентифицирует себя как представителя низшего класса, рассчитывают на умеренное улучшение своей социальной позиции, хотя большинство не надеется подняться выше середины социальной лестницы. Между тем 12% представителей низшего класса оказались «мечтателями», которые хотели бы через десять лет увидеть себя на самой высокой ступени.

Таблица 2

Динамика самооценок социального статуса среди представителей субъективных классов (2009 и 2019, %)

2009 год										
Субъективный класс	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<i>А. В нашем обществе есть группы, занимающие высокое и низкое общественное положение. Перед Вами лестница, где 10 — самое высокое положение, а 1 — самое низкое. На какой ступени Вы разместили бы себя?</i>										
Верхний средний класс	5,3	2,6	13,2	7,9	21,1	23,7	15,8	7,9	0,0	2,6
Средний класс	6,2	6,1	15,3	20,1	31,4	14,5	4,3	1,0	0,2	1,1
Нижний средний класс	11,1	12,2	26,5	23,3	18,6	6,6	0,8	0,3	0,0	0,5
Рабочий класс	16,0	13,8	26,2	19,2	17,7	5,2	0,8	0,5	0,0	0,5
Низший класс	55,5	13,7	18,1	7,7	4,9	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Всего (N = 1985)	15,4	10,8	21,8	19,0	21,1	8,3	2,1	0,7	0,1	0,7
<i>Б. А если вспомнить семью, в которой Вы выросли, где бы на этой шкале находилась она?</i>										
Верхний средний класс	2,6	5,1	2,6	15,4	25,6	12,8	17,9	15,4	2,6	0,0
Средний класс	2,4	6,2	11,3	13,2	28,8	18,0	8,4	7,8	2,2	1,6
Нижний средний класс	3,7	9,3	17,8	15,6	21,2	18,3	6,4	5,6	1,1	1,1
Рабочий класс	6,0	10,6	18,4	16,4	21,4	14,0	5,7	5,4	1,2	0,9
Низший класс	21,3	8,7	13,1	12,0	24,0	7,7	7,1	4,9	1,1	0,0
Всего (N = 1988)	5,8	8,7	15,2	14,8	24,0	15,4	7,1	6,4	1,5	1,1
<i>В. Если задуматься о будущем, то где через 10 лет Вы будете на этой шкале?</i>										
Верхний средний класс	НЕТ ДАННЫХ (вопрос отсутствует в анкете 2009 года)									
Средний класс										
Нижний средний класс										
Рабочий класс										
Низший класс										
Всего										
2019 год										
Субъективный класс	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<i>А. В нашем обществе есть группы, занимающие высокое и низкое общественное положение. Перед Вами лестница, где 10 — самое высокое положение, а 1 — самое низкое. На какой ступени Вы разместили бы себя?</i>										
Верхний средний класс	0	1,8	7,0	10,5	24,6	17,5	28,1	5,3	1,8	3,5
Средний класс	3,2	3,4	9,3	14,3	42,8	15,0	5,9	4,3	0,5	1,3
Нижний средний класс	6,7	5,3	19,2	26,9	24,4	11,9	3,1	0,8	0,3	1,4
Рабочий класс	10,2	9,2	19,8	19,8	29,2	6,9	2,9	0,3	0,2	1,5
Низший класс	33,3	16,2	26,5	6,5	7,9	4,5	2,1	0,5	0	0
Всего (N = 2003)	8,9	6,7	15,8	17,3	31,2	10,8	4,5	2,3	0,4	2,2
<i>Б. А если вспомнить семью, в которой Вы выросли, где бы на этой шкале находилась она?</i>										
Верхний средний класс	0	3,5	1,8	10,5	24,6	10,5	22,8	8,8	3,5	14,0
Средний класс	3,5	3,1	10,7	12,1	34,5	12,0	10,1	6,8	2,1	5,2
Нижний средний класс	5,3	5,3	16,8	16,8	20,9	10,9	10,3	8,9	1,1	3,6
Рабочий класс	6,9	7,6	16,5	16,6	27,6	10,9	6,1	3,9	1,3	2,7
Низший класс	15,1	9,8	14,6	18,0	19,0	8,3	4,4	2,4	0	8,3
Всего (N = 2002)	5,9	5,5	13,6	14,9	28,0	11,0	8,8	5,9	1,5	4,7
<i>В. Если задуматься о будущем, то где через 10 лет Вы будете на этой шкале?</i>										
Верхний средний класс	0	0	6,0	4,0	2,0	4,0	18,0	24,0	16,0	26,0
Средний класс	3,0	3,1	5,2	4,9	17,6	14,6	18,7	14,9	6,1	12,1
Нижний средний класс	4,9	3,2	8,8	13,0	20,4	11,6	19,0	8,5	3,9	6,7
Рабочий класс	7,7	6,6	10,7	9,3	27,2	12,0	10,4	6,1	1,8	8,2
Низший класс	26,0	7,1	12,6	15,0	15,0	5,6	3,1	0	3,1	12,5
Всего (N = 1436)	6,5	4,5	8,0	8,4	20,0	12,2	15,0	10,2	4,8	10,5

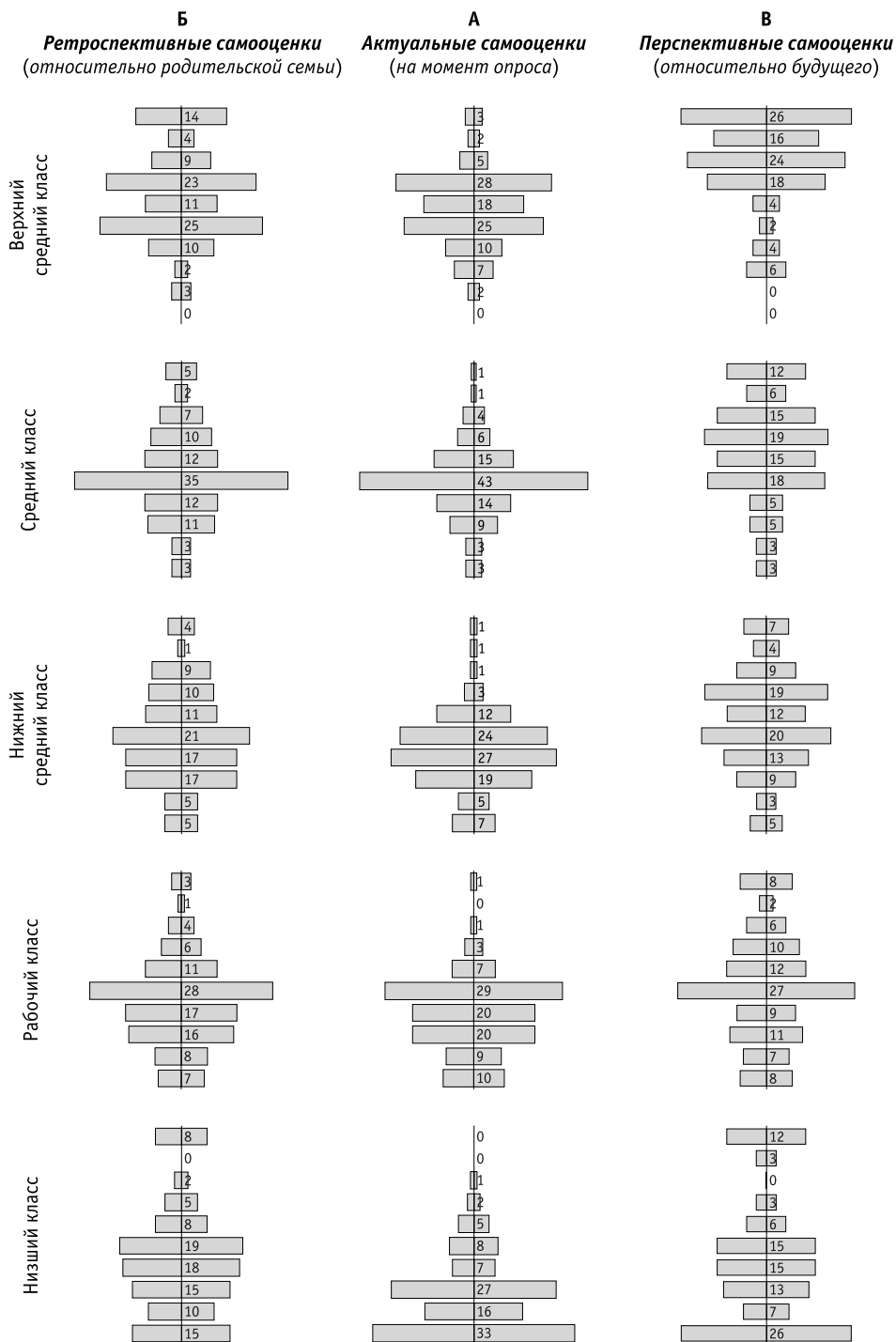

Рис. 4. Самооценки социального статуса среди представителей субъективных классов (2019 год, %)
 Источник: данные таблицы 2.

Выводы

Итак, результаты анализов данных модуля «Социальное неравенство» 2009 и 2019 годов служат эмпирическим обоснованием ряда выводов о динамике социально-статусных идентичностей украинцев.

Во-первых, за десять лет произошли существенные перемены к лучшему в восприятии украинцами собственного социального статуса. Этот тренд можно наблюдать в изменении диаграммы распределения актуальных самооценок от пирамидальной формы (где базовыми являются нижние средние и низшие позиции) к приближенной к ромбу (где большинство концентрируется на средних ступенях). Ретроспективные самооценки демонстрируют все еще негативную ситуацию: в целом респонденты воспринимают социальный статус родительской семьи как более высокий, чем их собственный статус на момент опроса. В то же время в 2019 году для украинцев характерны оптимистичные настроения в отношении ближайшего будущего: они надеются через десять лет значительно повысить свою статусную позицию в общественной иерархии.

Во-вторых, сохраняется довольно выраженная и ожидаемая по характеру связь классовых позиций (как объективно, так и субъективно определяемых) со статусными самооценками трех видов. Относительно EGP-классов: представители служебных классов и мелкие собственники имеют значимо более высокие актуальные, ретроспективные и перспективные самооценки, чем люди рабочего класса, прежде всего неквалифицированные и сельскохозяйственные рабочие. Касательно классов по самоопределению: чем выше субъективная классовая позиция человека, тем выше он оценивает собственный социальный статус, статус родительской семьи и свой статус в будущем.

Источники

Джери, Д., Джери, Дж. (1999). *Большой толковый социологический словарь (Collins)*. В 2-х томах. Т. 2 (П–Я). Москва: Вече, АСТ.

Коваліско, Н. В., Макеєв, С. О. (2020). Різноманітність і відносна автономність уявлень населення України про соціальну нерівність. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 3, 33–50.

Макеєв, С. А., Оксамитная, С. Н., Швачко, Е. В. (1996). *Социальные идентификации и идентичности*. Киев: Институт социологии НАН Украины.

Макеєв, С. О., Оксамитна, С. М. (2001). Тенденції становлення середнього класу. В: В. Ворона, М. Шульга (Ред.), *Українське суспільство: десять років незалежності* (сс. 278–285). Київ: Інститут соціології НАН України.

Макеєв, С., Симончук, О. (2014). Класова структура сучасного суспільства. В: В. Ворона, М. Шульга (Ред.), *Вектори змін українського суспільства* (сс. 110–134). Київ: Інститут соціології НАН України.

Малиш, Л. (2019). *Принципи та правила вимірювання структурних нерівностей у соціології*. Київ: Національний університет «Кієво-Могилянська академія».

Оксамитна, С. (2011). *Міжгенераційна класова і освітня мобільність*. Київ: НаУКМА, Аграр Медіа Груп.

Оксамитна, С. М., Бродська С. С. (2001). Класова самоідентифікація населення України. *Наукові записки НаУКМА*, 19, 44–50.

Прибыткова, И. М. (2006). Новые статусные номинации: бедные-средние-богатые. В: С. Макеєв (Ред.), *Новые социальные неравенства* (сс. 168–194). Киев: Институт социологии НАН Украины.

Симончук, О. (1999). Динаміка самооцінок соціального становища. В: М. Шульга (Ред.), *Українське суспільство на порозі третього тисячоліття* (с. 525–540). Київ: Інститут соціології НАН України.

Симончук, Е. (2003). *Средний класс: люди и статусы*. Киев: Институт социологии НАН Украины.

Симончук, О. (2006). Статусні самооцінки населення України у порівняльному та часовому контекстах. В: В. Ворона, М. Шульга (Ред.), *Українське суспільство 1992–2006. Соціологічний моніторинг* (с. 11–21). Київ: Інститут соціології НАН України.

Симончук, О. (2018). *Соціальні класи в сучасних суспільствах: евристичний потенціал класової аналізу*. Київ: Інститут соціології НАН України.

Симончук, О. (2020a). Динаміка уявлень українців про соціальну структуру та своє місце в ній. В: С. Оксамитна, О. Симончук (Ред.), *Динаміка сприйняття соціальної нерівності в Україні: за даними Міжнародної програми соціальних досліджень 2009 і 2019 років* (с. 83–127). Київ: Інститут соціології НАН України, Національний університет «Києво-Могилянська академія».

Симончук, О. (2020b). Класовий вимір сприйняття соціальної нерівності. В: С. Оксамитна, О. Симончук (Ред.), *Динаміка сприйняття соціальної нерівності в Україні: за даними Міжнародної програми соціальних досліджень 2009 і 2019 років* (с. 131–178). Київ: Інститут соціології НАН України, Національний університет «Києво-Могилянська академія».

Симончук, О., Оксамитна, С. (2020). Соціальна нерівність у дзеркалі Програми міжнародного соціального дослідження. В: С. Оксамитна, О. Симончук (Ред.), *Динаміка сприйняття соціальної нерівності в Україні: за даними Міжнародної програми соціальних досліджень 2009 і 2019 років* (с. 7–17). Київ: Інститут соціології НАН України, Національний університет «Києво-Могилянська академія».

Сорокин, П. (1996). *Человек. Цивилизация. Общество*. Москва: Политиздат.

Терборн, Й. (2020). *Мрії та кошмари середніх класів світу*: переклад з англ. П. Шопін. Отримано з: <https://commons.com.ua/uk/mriyi-ta-koshmari-serednih-klasiv-svitu/>

Хахулина, Л. А. (1999). Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2(40), 24–33.

Berger, R., Grusky, D., Raffel, T., Samuels, G., Wimer, C. (2010). *The inequality puzzle: European and US leaders discuss rising income inequality*. Springer-Verlag Berlin Heidelberg.

Bottero, W. (2019). *A sense of inequality*. London: Rowman Littlefield International.

Evans, G. (1993). Class conflict and inequality. *International Social Attitudes: the 10th BSA report* (pp. 123–142).

Ganzeboom, H. B. G., De Graaf, P., Treiman, D. J., De Leeuw, J. (1992). A Standard International Socio-Economic Index of Occupational Status. *Social Science Research*, 21, 1–56.

Gimpelson, V., Treisman, D. (2018). Misperceiving inequality. *Economics Politics*, 30(1), 27–54.

Harrop, M., Miller, W. L. (1987). *Elections and voters. A comparative introduction*. Red Globe Press.

Irwin, S. (2018). Lay perceptions of inequality and social structure. *Sociology*, 52(2), 211–227.

Kelly, C., Kelly, C. (2009). Subjective social mobility: data from 30 nations. In: M. Haller, R. Jowell, T. Smith (Eds.), *Charting the globe: The International Social Survey Programme 1984–2009* (pp. 106–124). London, UK: Routledge.

Lenski G. (1954). Status crystallization: A non-vertical dimension of social status. *American Sociological Review*, 19, 405–413.

Lenski, G. E. (1966). *Power and privilege. A theory of social stratification*. New York: McGraw-Hill Book Company.

Lindemann, K., Saar, E. (2014). Contextual effects on subjective social position: Evidence from European countries. *International Journal of Comparative Studies*, 55(1), 3–23.

Lu Xueyi. (2010). *Dangdai zhongguo shehui jiegou: [The modern social structure of China]*. Beijing.

Meraviglia, C. (2017). The social ladder. Status mobility across time and countries. In: J. Edlund, I. Bechert, M. Quandt (Eds.), *Social inequality in the eyes of the public: a collection of analyses based on ISSP data 1987–2009* (pp. 13–34). Köln: GESIS.

Pain K. (2017). *The Broken Ladder: how inequality affects the way we think, live, and die*. New York: Viking.

- Smith, T. (1986). Internationally comparable measurement of subjective social class. *Presentation to the planning meeting of the International Social Survey Program*. April, Mannheim, Germany.
- Smith, T. (1989). Inequality and welfare. In: R. Jowell, S. Witherspoon, L. Brook (Eds.), *British Social Attitudes: special international report*. Aldershot: Gower.
- Smith, T. (1992). An analysis of response patterns to the ten-point scalometer (GSS Methodological report No 76). *National Opinion Research Center, University of Chicago*. Chicago.
- Sobel, M. M., De Graaf, M. D., Heath, A., Zou, Y. (2004). Men matter more: the social class identity of married British women. 1985–1991. *Journal of the Royal Statistical Society*, 167(1), 37–52.
- Treiman, D. (1977). *Occupational Prestige in Comparative Perspective*. New York: Academic Press.

Получено 19.10.2020

References

- Berger, R., Grusky, D., Raffel, T., Samuels, G., Wimer, C. (2010). *The inequality puzzle: European and US leaders discuss rising income inequality*. Springer-Verlag Berlin Heidelberg.
- Bottero, W. (2019). *A sense of inequality*. London: Rowman Littlefield International.
- Evans, G. (1993). Class conflict and inequality. *International Social Attitudes: the 10th BSA report* (pp. 123–142).
- Ganzeboom, H. B. G., De Graaf, P., Treiman, D. J., De Leeuw, J. (1992). A Standard International Socio-Economic Index of Occupational Status. *Social Science Research*, 21, 1–56.
- Gimpelson, V., Treisman, D. (2018). Misperceiving inequality. *Economics Politics*, 30(1), 27–54.
- Harrop, M., Miller, W. L. (1987). *Elections and voters. A comparative introduction*. Red Globe Press.
- Irwin, S. (2018). Lay perceptions of inequality and social structure. *Sociology*. 52(2), 211–227.
- Jary, D., Jary, J. (1999). *Collins Dictionary in sociology. In 2 vol. Vol. 2 (P – Ya)*. [In Russian]. Moscow: Vieche, AST. [=Джери, Джери 1999]
- Kelly, C., Kelly, C. (2009). Subjective social mobility: data from 30 nations. In: M. Haller, R. Jowell, T. Smith (Eds.), *Charting the globe: The International Social Survey Programme 1984–2009* (pp. 106–124). London, UK: Routledge.
- Khakhulina, L. (1999). Subjective middle class: income, financial status, value orientations. [In Russian]. *Monitoring obschestvennogo mnenia: ekonomicheskie i sotsialnyie peremeny*, 2 (40), 24–33.
- Kovalisko, N., Makeev, S. (2020). Diversity and relative autonomy of of Ukrainian population' beliefs about social inequality. [In Ukrainian]. *Sociology: theory, methods, marketing*, 3, 33–50. [=Коваліско, Макеєв 2020]
- Lenski G. (1954). Status crystallization: A non-vertical dimension of social status. *American Sociological Review*, 19, 405–413.
- Lenski, G. E. (1966). *Power and privilege. A theory of social stratification*. New York: McGraw-Hill Book Company.
- Lindemann, K., Saar, E. (2014). Contextual effects on subjective social position: Evidence from European countries. *International Journal of Comparative Studies*, 55(1), 3–23.
- Lu Xueyi. (2010). *Dangdai zhongguo shehui jiegou: [The modern social structure of China]*. Beijing.
- Makeev, S., Oksamytna, S., Shvachko, Ye. (1996). *Social identifications and identities*. [In Russian]. Kyiv: Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine. [=Макеєв, Оксамитная, Швачко 1996]
- Makeev, S., Oksamytna, S. (2001). Trends in the formation of the middle class. [In Ukrainian]. In: V. Vorona, M. Shulga (Eds.), *Ukrainian society: ten years of independence* (pp. 278–285). Kyiv: Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine. [=Макеєв, Оксамитна 2001]
- Makeev, S., Simonchuk, E. (2014). Class structure of modern society. [In Ukrainian]. In: V. Vorona, M. Shulga (Eds.), *Vectors of changes in Ukrainian society* (pp. 110–134). Kyiv: Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine. [=Макеєв, Симончук 2014]
- Malysh, L. (2019). *Principles and rules for measuring structural inequalities in sociology*. [In Ukrainian]. Kyiv: National University of Kyiv-Mohyla Academy. [=Малиш, 2019]

Meraviglia, C. (2017). The social ladder. Status mobility across time and countries. In: J. Edlund, I. Becher, M. Quandt (Eds.), *Social inequality in the eyes of the public: a collection of analyses based on ISSP data 1987–2009* (pp. 13–34). Köln: GESIS.

Oksamytna, S. (2011). *Intergenerational class and educational mobility*. [In Ukrainian]. Kyiv: NaUKMA, Agrar Media Group. [=Оксамитна 2011]

Oksamytna, S., Brodska S. (2001). Class self-identification of Ukrainian population. [In Ukrainian]. *Naukovi zapysky NaUKMA*, 19, 44–50. [=Оксамитна, Бродська 2001]

Pain K. (2017). *The Broken Ladder: how inequality affects the way we think, live, and die*. New York: Viking.

Pribytkova, I. (2006). New status nominations: poor-middle-rich. In: S. Makeev (Ed.), *New social inequalities* (pp. 168–194). [In Russian]. Kyiv: Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine. [=Прибыткова 2006]

Simonchuk, E. (1999). Dynamics of self-evaluations of social status. [In Ukrainian]. In: M. Shulga (Ed.), *Ukrainian society on the threshold of the third millennium* (pp. 525–540). Kyiv: Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine. [=Симончук 1999]

Simonchuk, E. (2003). *Middle class: people and statuses*. [In Russian]. Kyiv: Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine. [=Симончук 2003]

Simonchuk, E. (2006). Status self-evaluations of Ukrainian population in comparative and temporal contexts. [In Ukrainian]. In: V. Vorona, M. Shulga (Eds.), *Ukrainske suspilstvo 1992–2006. Sotsiologichniy monitoring* (pp. 11–21). Kyiv: Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine. [=Симончук 2006]

Simonchuk, E. (2018). *Social classes in modern societies: the heuristic potential of class analysis*. [In Ukrainian]. Kyiv: Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine. [=Симончук 2018]

Simonchuk, E. (2020a). Dynamics of Ukrainians' perceptions of social structure and their place in it. [In Ukrainian]. In: S. Oksamytna, E. Simonchuk (Eds.), *Dynamics of perception of social inequality in Ukraine: according to the data of the International Social Survey Program, 2009 and 2019* (pp. 83–127). Kyiv: Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine, National University of Kyiv-Mohyla Academy. [=Симончук 2020a]

Simonchuk, E. (2020b). Class dimension of perception of social inequality. [In Ukrainian]. In: S. Oksamytna, E. Simonchuk (Eds.), *Dynamics of perception of social inequality in Ukraine: according to the data of the International Social Survey Program, 2009 and 2019* (pp. 131–178). Kyiv: Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine, National University of Kyiv-Mohyla Academy. [=Симончук 2020b]

Simonchuk, E., Oksamytna, S. (2020). Social inequality in the mirror of the International Social Survey Program. [In Ukrainian]. In: S. Oksamytna, E. Simonchuk (Eds.), *Dynamics of perception of social inequality in Ukraine: according to the data of the International Social Survey Program, 2009 and 2019* (pp. 7–17). Kyiv: Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine, National University of Kyiv-Mohyla Academy. [=Симончук, Оксамитна 2020]

Smith, T. (1986). Internationally comparable measurement of subjective social class. *Presentation to the planning meeting of the International Social Survey Program*. April, Mannheim, Germany.

Smith, T. (1989). Inequality and welfare. In: R. Jowell, S. Witherspoon, L. Brook (Eds.), *British Social Attitudes: special international report*. Aldershot: Gower.

Smith, T. (1992). An analysis of response patterns to the ten-point scalometer (GSS Methodological report No 76). *National Opinion Research Center, University of Chicago*. Chicago.

Sobel, M. M., De Graaf, M. D., Heath, A., Zou, Y. (2004). Men matter more: the social class identity of married British women. 1985–1991. *Journal of the Royal Statistical Society*, 167(1), 37–52.

Sorokin, P. (1996). *Man. Civilization. Society*. [In Russian]. Moscow: Politizdat. [=Сорокин 1996]

Therborn, G. (2020). *Dreams and nightmares of the middle classes of the world*: transl. from Engl. by P. Shopin. [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://commons.com.ua/en/mriyi-ta-kosh-mari-serednih-klasiv-svitu/> [=Терборн 2020]

Treiman, D. (1977). *Occupational Prestige in Comparative Perspective*. New York: Academic Press.

Received 19.10.2020

ОЛЕНА СИМОНЧУК

Соціально-статусні самооцінки українців: зміни в часі (2009–2019)

У статті розглянуто динаміку соціально-статусних самооцінок українців на підставі даних двох хвиль (2009 і 2019 років) модуля «Соціальна нерівність» у рамках Міжнародної програми соціального дослідження (International Social Survey Programme). Вирізняють три види статусних самооцінок щодо різних біографічних ситуацій: актуальні (на момент опитування), ретроспективні (щодо соціального статусу батьківської родини) і перспективні (щодо власного статусу через десять років). Вимірювання їх відбувалось через самовизначення респондентом відповідного статусу на уявній 10-щаблевій соціальній драбині. Доведено суттєві зміни на краще в актуальних статусних самооцінках серед населення України, що візуалізується у зміні діаграми їх розподілу від пірамідальної форми (де базовими є нижні середні та найнижчі позиції) до наближеної до ромба (де більшість концентрується на середніх щаблях). Ретроспективні самооцінки демонструють все ще негативну ситуацію: соціальні статуси батьківських родин загалом сприймаються респондентами як вищі, ніж актуальні. Водночас перспективні самооцінки українців доволі оптимістичні: більшість із них мають надію у найближче десятиліття значно підвищити свій статус у суспільній ієрархії.

Досліджено також зв'язок класових позицій (як об'єктивно, так і суб'єктивно визначених) зі статусними самооцінками трьох видів. Зафіксовано, що в обидва роки опитування він був доволі виразним та очікуваним за характером. Щодо ЕGP-класів: представники службових класів і дрібні власники мали значимо вищі актуальні, ретроспективні та перспективні самооцінки, ніж люди робітничого класу, насамперед некваліфіковані та сільськогосподарські робітники. Щодо суб'єктивних класів, визначених за номінальними категоріями (вищий середній клас, середній, нижній середній, робітничий, нижчий): що вища суб'єктивна класова позиція людини, то вище вона оцінює свій соціальний статус.

Ключові слова: соціальний статус, соціально-статусні самооцінки, об'єктивний та суб'єктивний клас, Україна

ЕЛЕНА СИМОНЧУК

Социально-статусные самооценки украинцев: изменения во времени (2009–2019)

В статье рассматривается динамика социально-статусных самооценок украинцев на основе данных двух волн (2009 и 2019 годов) модуля «Социальное неравенство» в рамках Международной программы социальных исследований (International Social Survey Programme). Выделено три вида статусных самооценок касательно разных биографических ситуаций: актуальные (на момент опроса), ретроспективные (относительно социального статуса родительской семьи) и перспективные (относительно собственного статуса через десять лет). Они измерялись путем самоопределения респондентом соответствующего статуса на воображаемой 10-ступенчатой социальной лестнице. Зафиксировано существенное улучшение актуальных статусных самооценок среди населения Украины, что визуализируется в изменении диаграммы их распределения от пирамидальной формы (где базовыми являются нижние средние и низшие позиции) к приближенной к ромбу (где большинство концентрируется на средних ступеньках). Ретроспективные самооценки демонстрируют все еще негативную ситуацию: социальные статусы родительских семей воспринимаются респондентами в целом выше, чем актуальные. В то же время перспективные самооценки украинцев весьма оптимистичны: большинство из них надеются в ближайшее десятилетие значительно повысит свой статус в общественной иерархии.

Исследована также связь классовых позиций (как объективно, так и субъективно определяемых) со статусными самооценками трех видов. Зафиксировано, что в оба года опроса она была довольно выраженной и ожидаемой по характеру. Относительно ЕGP-классов: пред-

ставители служебных классов и мелкие собственники имели значимо более высокие актуальные, ретроспективные и перспективные самооценки, чем люди рабочего класса, прежде всего неквалифицированные и сельскохозяйственные рабочие. Касательно субъективных классов, определяемых по номинальным категориям (верхний средний класс, средний, нижний средний, рабочий, низший): чем выше субъективная классовая позиция человека, тем выше он оценивает свой социальный статус.

Ключевые слова: социальный статус, социально-статусные самооценки, объективный и субъективный класс, Украина

ELENA SIMONCHUK

Subjective social statuses of the Ukrainians: changes over time (2009–2019)

The article examines the dynamics of social status self-evaluations of the Ukrainians based on two waves (2009 and 2019) of the Social Inequality module of International Social Survey Programme. Three types of social status self-evaluation in different biographical situations were noted: the current one (at the time of the survey), the retrospective one (of the parents' family status) and the perspective one (status of oneself in 10 years' time). They were measured through the respondents' self-determination of their appropriate status on an imaginary 10-step social ladder. The noticeable changes for the better in the current social status self-evaluations of the Ukrainians are stated, which is visualized in changing the diagram of their distribution from pyramidal shape (where the lower-middle and the lowest positions are the basic ones) to the close to rhombus shape (where the majority is concentrated on the middle levels). The retrospective self-evaluations still demonstrate negative situation: the respondents mostly perceive the social status of parents' families as higher than their current status. At the same time, the perspective self-evaluations of the Ukrainians are rather optimistic: majority of them hope to significantly increase their own status in the social hierarchy in the next decade.

A connection between the class positions (both objectively and subjectively determined) and the status self-evaluations of three kinds was also studied. It is recorded that in both years of the survey this connection remains quite significant and expected in nature. Regarding EGP-classes: representatives of service classes and small owners had significantly higher current, retrospective and prospective self-evaluations than working-class people, primarily unskilled workers and farm labours. Regarding the subjective classes defined by nominal categories (upper middle, middle, lower middle, working, lower class): the higher the subjective class position a person has, the higher he/she evaluates his/her social status.

Keywords: social status, social status self-evaluations, objective and subjective class, Ukraine